

18+

Валентин Пампура

Миниатюры

Валентин Пампура

Миниатюры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754891

ISBN 9785005311955

Аннотация

Странность – это изнанка логики. Порой стоит надеть вещь изнанкой наружу, чтобы понять её. Или вот ещё. Когда ты следуешь логическим умозаключениям, ты находишься в плену иллюзий. Но стоит только сделать шаг в сторону, если, конечно, у тебя хватит на это смелости, то весь космос становится твоей свободой. Попробуй, может, у тебя получится. Миниатюра «Бри» опубликована отдельной книгой.

Содержание

Хочу авокадо. Или история одной табуретки

5

Конец ознакомительного фрагмента.

37

Миниатюры

Валентин Пампура

© Валентин Пампура, 2021

ISBN 978-5-0053-1195-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хочу авокадо. Или история одной табуретки

Первая сцена.

На сцене табуретка. Он сидит на полу, обняв табуретку. Он гладит её свежи-струганные ножки.

– Хорошая, милая, нежная. Я люблю её. Она у меня ассоциируется с чистотой и светом. Светом, из которого соткано всё вокруг. Даже я. Во мне живут её лучики. Они везде. И я нахожу их в камне, в дереве, в мельчайшей частичке, в дуновении ветерка, Везде, где есть жизнь, потому, что она и есть жизнь. Она моя жизнь.

– Твоя жизнь, давно здесь, стоит и ждёт, а ты обнимаешься с табуреткой.

– Жизнь моя. – Бросается обнимать её.

– Аккуратнее, ты помнёшь здесь ещё одну твою жизнь. – Она погладила подушку, привязанную к животу.

– Милая, моя девочка. – Он обнимает ее, прижимаясь к животу из подушки.

– Это он. Ты, что забыл?

– Что ты? Родная, это ты забыла, там ждёт своего появ-

ления на свет хорошенькая девочка, с белыми кудряшками, и маленьким аккуратным носиком.

– Ты видно слишком много времени проводишь со своею табуреткой, если считаешь, что там девочка. Да ещё и с белокурыми кудряшками.

– Да, именно с белокурыми.

– Откуда ей взять белокурые кудряшки, если в твоём и моём роду все чёрные как смоль. А про нос, я и говорить не хочу. Посмотри на себя в зеркало. И ты поймёшь, что там мальчик с чёрными, прямыми волосами, и...

– Если ты продолжишь сейчас, мы поссоримся.

– Ты мне угрожаешь?

– Предупреждаю.

– И, что же ты сделаешь? Ударить беременную женщину?

– Я, я, поставлю условие.

– Какое ещё условие?

– Или там девочка с белокурыми кудряшками и маленьким, аккуратным носиком, или...

– Что?

– Или там не мой ребёнок.

– Что? Ты отказываешься от ребёнка?! Может ты еще, и бросишь меня?!

– Да. Я не желаю, воспитывать чужого ребёнка. Не нужно делать из меня дурака.

– Да ты и так дурак, если не можешь отличить своего ребёнка от чужого.

– Я прекрасно отличаю чёрное от белого.

– Да ты собственную рожу не отличишь от чайника. И знаешь почему?!

– Почему?

– Потому, что носы у вас одинаковые.

– Что?

– То! А что касается белокурой девочки, то она, ты готов, это услышать? Лучше сядь на свою табуретку, потому, что если ты услышишь это стоя, то упадёшь и вышибешь из своей башки остатки мозгов. Так вот, слушай, Белокурая девочка, что сидит у меня здесь. – Она постучала ладонью по подушке. – Читай по слогам. Не-от-те-бя. Ты понял. Меня.

Он смотрит на неё широко раскрытыми глазами. Потом садиться на пол и прижимает к себе табуретку.

– А сейчас я тебя оставлю. И постарайся не разбить себе голову. – Уходит.

Он сидит в не подвижности. Потом хватает табуретку и бьёт её об пол, пока она не разлетается на куски.

Вторая сцена.

Он сидит на табуретке. Она стоит, сзади обвивая его шею руками. Она без подушки. Руки словно две змии, скользят

по его груди.

– Тише... Ты слышишь, как стучит моё сердце? Тук-тук, тук-тук. Словно дятел на суку делает себе дупло.

– Мне страшно.

– Не бойся, это совсем не страшно. Смотри как он нежно и настойчиво, он входит клювом в мягкую плоть дерева. Ты чувствуешь это? Тук-тук, тук-тук. – Она медленно стучит пальцами по его грудной клетке. Пальцы шагают по груди, опускаясь всё ниже, и ниже. – Тебе нравится?

– Да, мне хорошо.

– А теперь дятел превращается в римлянина. Он стоит на арене кругом ревет толпа. А ему на встречу идёт чёрная пантера. – Она изгибается перед ним, садиться ему на колени. – Покажи ей свою власть. Прижми зверя к земле. Сделай его ручным.

Танцуют. Он берёт её за волосы, сжимая их в своём кулаке.

– Мне больно.

– Тебе это нравится?

– Да.

– Теперь ты ручной зверёк?

– Да.

– Тогда скажи, с кем ещё путалась эта блудливая кошка?

– Тебе перечислить всех? Или достаточно будет назвать десяток самцов, что терзали мою плоть, истекая слюной от наслаждения.

– Сука... – Сильнее сжимает кулак.

– Мне больно.

– Тебе же это нравится.

– Теперь не очень.

– Тогда назови того кто обрюхатил тебя.

– Какая тебе разница, кто это был? Сосед сверху или сантехник, что чинил нашу раковину.

– Потаскуха. – Сжимает кулак.

– Мне больно.

– Заткнись. Я хочу знать это, наверняка.

– А если я скажу тебе, что это ты. Тебе будет легче?

– Да.

– Даже если там чернокожий мальчик, с белокурыми кудряшками?

– Да.

– Тогда слушай, чернокожий мальчик, с белыми кудряшками твой сын. А теперь отпусти меня, мне больно. – Он отпускает её.

– Не нормальный. Испортил мне всю причёску.

– Ты сама предложила эту игру.

– Я предложила игру, а не реальную пытку.

– Но ведь тебе нравилось? – Обнимает её.

– Местами, даже очень. – Целуются. Затемнение.

В темноте.

– Что ты делаешь, мне щекотно. – Смеётся.

– Котик хочет любить свою кису.

– Дурачок, аккуратнее, киса очень нежная и не терпит грубости. Вот так, да, чуть ниже. А теперь правее, да... Здесь.

– Скажи.

– Не отвлекайся, продолжай.

– Подожди. Как же мой мальчик может быть чернокожим?

Я же белый...

– Ну, что за расовые предрассудки. Может твоя бабушка была чернокожей.

– Моя бабушка, никогда не была чернокожей.

– Тебе не нравится, что у твоего сына будет чёрная кожа?

– Да!

– Ты расист.

– Нет. Я просто хочу знать правду.

– Какую правду? Какую правду ты хочешь знать?

– Правда бывает только одна.

– Ты, невыносим. Ты понимаешь это?

– Я просто хочу знать.

– Я просто хочу знать. – Передразнивает его. – Ты зануда.

Ты отравляешь мою жизнь с первой нашей встречи. Права была моя мама, когда предупреждала меня, не связываться с тобой. Какая же я была дура, что не послушала её.

– Не надо впутывать свою мать в наши отношения. Просто скажи мне правду, или я...

Загорается свет. Он замахивается. Она хватается подушку и прикладывает к животу.

– Ты ударишь, беременную женщину?! – Он берёт табуретку и разбивает её об пол.

Третья сцена.

Она сидит на табуретке, широко расставив ноги, поглаживая подушку, привязанную к животу. Он сидит на полу, и читает сказку. Обращаясь к подушке, привязанной к животу. Она смотрит на него влюблёнными глазами.

– Какой ты у меня заботливый.

– Тише, ты мешаешь малышу слушать сказку.

– Прости, продолжай.

– И тогда, предводитель Гоблинов закричал: «Вперёд сыны зла. Сегодня мы напьёмся свежей крови»

– Тебе не кажется, что эта сказка нам не по возрасту?

– По-моему, ему очень нравится. Правда, малыш? – Он погладил подушку, привязанную к животу.

– Нет, ему совсем не нравится эта сказка. Он прячется, и просит больше не читать её.

– Да, нет же, я слышу, как он просит продолжения.

– Ты не можешь слышать. Это я ношу ребёнка, а не ты.

И вообще меня тошнит, подай мне ведро.

– Чёрт, почему беременных всё время тошнит? – Подаёт ведро.

– Потому, что у меня токсикоз. Потому, что ты напугал ребёнка своей сказкой, и он обделался. И убери от меня это ужасное ведро.

– Но ведь тебя тошнит?!

– Меня уже не тошнит, я хочу, маракую.

– Чего?

– Ма-ра-ку-ю.

– Хорошо, я схожу.

– Нет.

– Что нет?

– Я уже не хочу, маракую.

– А что ты хочешь?

– Я хочу... Я не знаю, чего я хочу.

– Хорошо, я пойду, если, что ни-будь захочешь, позови.

– Я хочу, что б ты не уходил, мне страшно.

– Хорошо я не уйду.

– Или нет, иди, я не хочу тебя видеть.

– Почему?

– Потому что, тебе наплевать на меня, и на нашего ребёнка.

– С чего ты это взяла?

– Я это вижу. Вместо того, что бы заниматься ребёнком, ты, не вы лазишь из своего смартфона.

– А что мне сейчас ещё делать?

– Всё, что угодно, только не бросать меня в трудную минуту.

– Я не бросаю тебя.

– Нет, ты меня уже бросил.

– Когда?

– Когда пообещал никогда не бросать.

– Я и не бросаю.

– Бросаешь. С кем ты сейчас в сети.

– Я, не с кем.

– Дай посмотрю.

– Да, что тут смотреть.

– Дай... Кто там у тебя? Па-ме-ло. Жирная корова. Одно, только, что сиськи по ведру. Хоть дои. Она тебе нравится?

– Ничего она мне не нравится.

– А чего тогда ты пялишься на её сиськи?

– Я не пялюсь, просто картинка выскочила, так совпало.

– Не знаю, что там у тебя совпало, я знаю, что тут у тебя упало. Конечно, я сейчас беременная, не красивая, никому не нужная. – Плачет.

– Ну, прости меня, кисонька, не плачь. А то и я заплачу.

– Что, ты, правда, из-за меня заплачешь?

– Конечно.

– Ты мой котик, иди я тебя поцелую. Ты мой самый луч-

ший. Осторожнее. Ты задавишь малыша.

– Извини, я не хотел.

– Ну, вот разбудил. Слышишь?

– Что?

– Здесь. Потрогай. – Прикладывает ладони к подушке.

– Ой, он дерётся.

– Я же говорила, что это мальчик.

– Да. Вырастит, будет боксёром.

– Щ-а-а-с. Он будет пианистом.

– Почему пианистом?

– У него пальцы тонкие и длинные.

– Откуда ты знаешь.

– Чувствую. Он ими меня царапает.

– Может это он ногами.

– Ты, что? Какими ногами? Он что гимнаст?

– Может и гимнаст.

– Какой гимнаст? Ты совсем уже. Я говорю пианист.

– А почему сразу пианист? Может он будет щипачом.

– Блин, ты совсем больной. Наш сын никогда не будет уголовником.

– Я имею в виду, что он будет, это, на щипковых инструментах играть. Там тоже длинные пальцы нужны.

– Какие щипковые? Я же сказала пианистом. Почему ты всё делаешь мне в пику?

– Я не делаю в пику.

– Делаешь. Всё мне назло, что б я нервничала. Ты, что хо-

чешь, что б у меня выкидыш случился?! Может ты вообще, ребёнка не хочешь?!

– Хочу.

– Не хочешь.

– Да хочу я

– Хотел бы, не говорил так. – Отворачивается.

– Ну, прости, кисуля, я наговорил глупостей.

– Вот так, я же сказала пианистом, а ты вредничаешь.

– Не буду больше.

– Сразу бы так. А что ты отвернулся? Ты не хочешь меня видеть?

– Хочу.

– Ты, что расстроился?

– Нет. -Ну, хочешь, второй ребёнок будет щипачём.

– Ни хочу.

– Почему?

– Я не выдержу ещё одной твоей беременности.

– А ты, что думаешь, мне легко?

– Ничего, я не думаю.

– Конечно, за тебя я должна думать. Хоть бы сам, что ни будь, сделал. Только критиковать можешь. Попробовал бы сам поносить.

– И попробую, тоже мне проблема. Ребёнка выносить.

– Ах, так... – Снимает с себя подушку, бросает в него. – На, попробуй, поноси. – Он ловит подушку. Она приседает, хватая себя за живот.

– Что с тобой?

– Началось. У меня, кажется воды отошли.

– Чёрт, чёрт, чёрт, что же делать? Что делать?

– Успокойся, и звони доктору.

– Да, да, где телефон? Вот телефон. – Хватает тапочек,

звонит доктору.

– Скорее, я рожаю.

– Доктор, началось... Воды отошли, много вод, всё залило. Море воды, мы тонем. Да... Ждём.

– Что доктор?

– Сказал не волноваться, едет.

– Хорошо, посиди со мной.

– Конечно милая. – Садиться берёт её за руку. – Всё будет хорошо. Так доктор сказал. А доктор знает что говорит. Эти доктора всегда знают, что говорить. Когда у меня вскочил чирей на попе, я тоже думал, всё это конец. А доктор сказал...

– Что ты несёшь? Я рожаю. Где доктор?

– Он уже едет.

– Я не переживу, этого. Опять...

– Ты дыши, дыши чаще, вот так... Вот так...

– Заткнись и приведи мне доктора. – Он убегает. – Господи, как же больно. – Хватает табуретку и разбивает её. Затемнение. Слышен плач ребёнка.

Третья сцена.

Они стоят у табуретки. На ней лежит подушка.

– Он удивительный.

– Да какие красивые глаза.

– Они твои.

– Правда?

– Конечно. Посмотри на его нос, один в один.

– Мне кажется, он несколько маловат.

– Нет в самый раз.

– А эти кудряшки...

– Они словно нежные стружки, молодой сосны.

– Только они странно пахнут.

– Да, что-то это напоминает.

– Ты думаешь это?

– Оно самое.

– Как много.

– У малыша хороший аппетит.

– Если он и дальше будет, так хорошо есть, нам понадобится лопата.

– Дурак. Поддай памперс. – Одевает на подушку памперс.

– Думаешь, поможет?

– Если не поможет, наденем два.

– Логично.

– Когда доктор собирался зайти?

– На днях.

- То есть не сегодня?
- Может и сегодня, он же сказал на днях.
- Во именно, он же сказал на днях, а не сегодня.
- Но ведь он говорил это вчера, или позавчера.
- То есть ты не помнишь, когда он говорил?
- Нет, я же не могу всё помнить.
- Я не просила тебя помнить всё, я просила только запомнить день, когда придёт доктор. – Входит доктор.
- Кажется, он уже пришёл.
- Ты, что не запер дверь?
- Мы же ждали доктора.
- А если бы он пришёл через неделю.
- Ты меня путаешь. Он же не говорил через неделю, он говорил на днях.
- Хватит.
- Хорошо. Скажи, наш доктор, что чёрный?
- Не чёрный, а афроамериканец.
- А какая разница, он, что от этого становится блее.
- Прекрати нести чушь. Здравствуй доктор. Хорошо, что вы зашли.

Доктор.

– Как наш малыш?

Она.

– Прекрасно.

Доктор.

– Как аппетит? От груди не отказывается.

Она.

– Нет, доктор. Кушает за двоих.

Доктор.

– Прекрасно, от такой груди, грех отказываться. Как с прикормом?

Она.

– Вчера давали, гамбургер, а сегодня попросил чипсы с колой.

Он.

– Да, и ещё две банки пива.

Доктор.

– Современные дети быстро растут.

Она.

– И не говорите, доктор, вчера нашла у него в кармане, пачку сигарет, и презервативы.

Доктор подходит к табуретке. Осматривает подушку.

Доктор.

– Прекрасный малыш. Очень похож на своего отца.

Он.

– Скажите, доктор, что с его кожей?

Доктор.

– А что с ней не так?

Он.

– Мне кажется она не совсем белая.

Доктор.

– Вы хотите сказать, что она не совсем тёмная?

Он.

– Именно. Вы правы, не совсем.

Доктор.

– Если судить по его родителям, то она и не должна быть тёмной.

Он.

– Да, но она и не является белой.

Доктор внимательно осматривает подушку.

Доктор.

– Да действительно. Но знаете, при определённых обстоятельствах, это случается. Не волнуйтесь.

Она.

– Что ты пристал к доктору с глупыми вопросами. Доктор сейчас выпишет, какое ни-будь снадобье для малыша, а ты сходишь в аптеку. Заодно прогуляешь малыша. – Доктор даёт ему рецепт. Она подушку. – А я пока угощу доктора чашечкой кофе. Прошу вас доктор. – Он отходит, и садиться в сторонке.

Доктор.

– Хороший, чёрный кофе.

Она.

– Он, белый.

Доктор.

– Добавь немного молока.

Она.

– Он не будет пить эту бурду?

Доктор.

– Это смотря как подать.

Она.

– Да как не подавай.

Доктор.

– А твои изумительные, острые соски. Они так

и царапают душу.

Она.

– Они царапают, только, твоего слизняка.

Доктор.

– И неплохо царапают, раз он превращается в питона.

Она.

– Где ты там нашёл питона.

Доктор.

– Раньше ты находила его там.

Она.

– Мерзавец.

Доктор.

– Интеллигентный человек, всегда найдёт себе оправдание. А малыш, хороший. И растёт быстро. – Уходит.

Она.

– Сволочь, подлец... – Бьёт табуретку об пол, пока она не разлетается на куски.

Нулевая сцена. Прозрение.

Он сидит на полу и гладит ножки табуретки.

Он.

– Гладкие и нежные как её кожа пропитанная чёрным кофе, умопомрачительного доктора. Страсть с двумя метрами в длину и почти метр в ширину. Замешенная, на мятых простынях. И доведённая до готовности, в натруженных порых сверкающих каплями мутного бесстыдного сока. Четверть с половиной лет хитрости, разбавленной сотнями литрами глупости, сваренной в килограмме серой субстанции, натруженной на вранье. Набор бессмысленных завитушек на голове и тонны косметики на изуродованном, медицинскими исследованиями предприимчивого доктора, теле. Всё это, было исторгнуто на меня, потоком, раздирающим душу на миллионы, изодранных лоскутов. Разлетевшихся в разные стороны как после взрыва бомбы невероятной мощности. И каждый из этих ошмётков, лежит там, куда его отбросила волна похабной страсти. Лежат они и стонут, на тысячи голосов. Как огромный хор безумно орущих котов, которых дергают за хвосты, пытаюсь сыграть на их нервных системах, многоголосую фугу.

Он.

– К чему этот поток бессмысленных силлогизмов. Смотри на окружающую тебя действительность как смотрят на бездарный сериал запущенный для оскудения миллиона и без

того скудных мозгов. Превращающихся в серую едва колышущуюся массу, забытого на столе желеобразного студня. Источающего запах прелого чеснока и разлагающейся лошади. Всё это только кажется изуродованной действительностью, не имеющей ни конца, ни начала. А на самом деле, это тонкое полотно, сотканное из желаний и страстей самого низкого пошиба. Пропитанное всеми пороками, какие только могут существовать на земле. Являющими основу существования на изнасилованной космогенезом планете. Так стоит ли сопротивляться и терзаться сомнениями, иссушающими, заключённый в грецкую скорлупу мозг, ответами, вопросы на которые, не существуют вовсе?

Он.

– К чёрту философию, пространных конструкций. Лего для умников выстраивающих теорию за теорией. Миллионы километров квадратных уравнений. Гипотез опровергающих одна другую. Напыщенных знаний спутанных клубками гремучих змей между собой. Жалящих, и отравляющих девственный мозг. Мозг, который мог бы стать частью природы. Её продолжением, вмещающем в себя всю вселенную. Нет же, они гадят в него с первых лет жизни, наполняя его умственными испражнениями, заменяя ему божественную чистоту, своими доводами, построенными на личных заблуждениях, возведёнными в ранг непререкаемой истины. И низвергающими его в поток все дозволенного, плотского

паскудства. Всё!

Он

– Что ты хочешь?

Он.

– Хочу знать, да или нет.

Четвёртая сцена.

Она входит.

– Что случилось с моим котиком, почему он сидит на полу?

– Котик хочет знать, да или нет?

– А какой бы ответ он предпочёл?

– Тот, который бы ты произнесла.

– Тогда.... Да! Ты доволен? Это то, что ты хотел бы услышать от меня?

– Да.

– А если бы я сказала, нет?

– Тогда мир рухнул бы для меня. И я оказался бы в центре хауса.

– Значит, я выбрала правильный ответ. Мир цел, и всё идёт своим чередом. Кстати, звонила учительница, нашего сына, он опять не был на занятиях.

– Что делать, в его возрасте это случается. – Смотрит

в смартфон.

– У мальчика экзамены на носу, и если так будет продолжаться дальше, его пропускной бал на экзамене будет ниже плинтуса.

– Пойдёт в техникум, рабочие сейчас нужны.

– Какой техникум, ты в своём уме? Сын прогуливает школу, а он сидит, уставившись в телефон.

– А что я должен делать? Водить его в школу за ручку?

– Ты отец, ты авторитет, ты должен повлиять на него.

– Его авторитет сейчас это рок, кола и Элька с соседнего подъезда.

– Ты вообще соображаешь, что ты несёшь? Твой сын прогуливает школу, а ты пялишься в свой телефон. Поговори с ним как мужчина с женщиной.

– Уже говорил, он заканчивает девятый и идёт в техникум.

– Куда?!

– В техникум.

– Ты сума сошёл? Там же одни наркоманы и ворьё!

– Что делать, должен же там быть хоть один нормальный.

Мне кажется, наш мальчик как раз для этого подходит.

– Ты идиот, нет, вы оба идиоты. Зачем я только связалась с вами. Господи... Лучшие свои годы я потратила на вас. А что я получаю в ответ?

– Ты получаешь семью.

– Да, но я не так себе её представляла.

– Всё происходит не так, как мы хотим.

– Я устала.

– Хочешь вкусняшку?

– Нет.

– А что ты хочешь?

– Я хочу отдохнуть.

– Приляг.

– Я не хочу лежать.

– Пойди, прогуляйся.

– Я не хочу гулять.

– Хочешь, ходим в зоопарк, посмотрим там гиппопотама?

– Гипопа... кого?

– Это такой большой... как, гора...

– Неприятностей.

– Тяжёлый как...

– Экзистенциальный кризис.

– Длинный, с огромной...

– Пастью?

– Да!

– Которая может проглотить человека целиком, и, пережевав, выплюнуть в совершенно непотребном виде.

– Нет! То есть да.

– У меня депрессия. Я ненавижу свою жизнь. Что и где я сделала не так?

– Ты всё сделала так.

– Мне сорок. У меня муж, которому наплевать на меня.

– Не наплевать.

– У меня сын, который вместо того, что бы подниматься по жизни, катиться вниз.

– Он поднимается, но по-своему.

– На что я потратила свою жизнь. Я могла бы быть счастлива. У меня всё могло бы пойти по-другому. Если б я только захотела. То всё могло бы быть по-другому. Господи, для чего я живу?

– Для нас.

– Почему ты всё время мне перечишь?

– Я не перечу.

– Нет перечишь.

– Нет, не перечу.

– Перечишь. Это мой сын, и я хочу сама решать его судьбу.

– Хорошо, пусть будет, как ты хочешь.

– Итак, он должен вернуться в школу.

– Он не может вернуться в школу.

– Почему?

– Его исключили за неуспеваемость.

– Когда?

– Две недели назад.

– А почему я ничего не знаю.

– Он не хотел тебя расстраивать.

– Мой милый мальчик. Ты должен пойти к директору и надавить на него.

– Я не могу.

– Почему?

– Мальчик уже отнёс документы в техникум. И... Его приняли. Он счастлив.

– Тайком от меня.

– Ну, дорогая, он же не хотел тебя расстраивать.

– Неужели ничего нельзя сделать?

– Можно, через четыре года успешного обучения, он приобретёт профессию. И поступит в институт по своей специальности.

– Как это здорово. А кем он будет?

– Инженером.

– Нет, он должен быть врачом.

– Но он пошёл по технической специальности.

– Нет. Ты опять перечишь мне. Он должен быть врачом.

– Но...

– Теперь я буду заниматься нашим ребёнком. Ты должен будешь убедить его забрать документы и отнести их в медицинский колледж.

– Это не возможно, он с детства мечтал быть конструктором.

Нет, милый ты не помнишь. Он всегда хотел стать врачом. Ещё с тех пор как к нам приходил доктор.

– Это тот, афроамериканец?

– А что тебя это так задевает? Ты что расист?!

– Нет, просто для медицинского у мальчика плохо с ана-

томией.

– Ну, уж нет. С анатомией у него всё в порядке. Сегодня он забыл в коридоре колоду порнографических карт.

– Это были мои карты.

– Что? Это твои карты?

– Видишь ли, мужчины моего возраста иногда делают это...

– Что, это?

– Играют в карты.

– А что выбрать для этого обычные карты было нельзя?

– Видишь ли, при обычных картах игра теряет некую остроту.

– А тебе, что не хватает остроты в наших отношениях.

– За время нашей жизни, отношения несколько притупились.

– Что?!

– И меня тянет, на, что то запретное.

– И на, что конкретно тебя уже потянуло?

– Так не на что.

– Ну, ка, колись.

– Я...

– Ну...

– Хорошо, я скажу. Не торопи меня. Помнишь, ту молодую берёзку в нашем парке?

– Какую?

– Ту, что имеет такую нежную, бархатистую кожу.

– Ты хотел сказать кору?

– Это очень грубо. Я иногда хожу в парк, когда совсем темно. И... – Ласкает табуретку.

– Что?

– Ласкаю её.

– И...

– Она отвечает мне взаимностью.

– Кто?

– Элиза.

– Элиза?

– Так я её называю.

– А как она тебя называет.

– Мой зелёный стручок.

– Это, сейчас был розыгрыш?

– Нет. Я люблю Элизу. Люблю, так как никогда не любил ни одну женщину.

– Ты больной. Ты понимаешь, что ты больной. Ты нафантазировал себе то, чего тебе не хватает в жизни. И наделил этой абстракцией бездушное дерево.

– Не говори так о ней. Ты совсем не знаешь её. Она чистая, и очень чувствительная.

– Ты вообще слышишь себя?! Что ты несёшь?! Ты только вдумайся в то, что ты несёшь?!

– Я ничего такого не сказал бы, если б ты не начала этот скандал с колледжем.

– Причём тут колледж? Ты здоровый, взрослый мужик,

ходишь в парк и совокупляешься там с деревом!

– Не надо так.

– Лучше бы ты завёл себе нормальную бабу, по крайней мере, я бы это поняла. Но трахать дерево, это болезнь. Ты трахаешься со своей фантазией. Ты понимаешь это?!

– Это не так. А если так, то скажи мне. С какой фантазией трахаешься ты, во время нашего стандартного супружеского секса.

– Ну, уж не с деревом это точно.

– А с кем? Может со своим афроамериканцем?!

– Скотина. Подлая, низкая тварь. Извращенец, древесный маньяк, берёзовый Казанова, вот тебе, любитель древесной клубнички. – Берёт табуретку, и разбивает её. – Затемнение.

Пятая сцена.

Вечер. Они сидят. Он сколачивает табуретку. Она помогает.

– Какая луна.

– Как в первый вечер нашего свидания.

– Ты помнишь его?

– Да. Ты стояла на балконе и смотрела на луну.

– Нет, мы были на берегу озера. Оно было тёмным, и только тонкая лунная дорожка тянулась к нашим ногам.

– Ты путаешь. Это было на балконе. Я подошёл и обнял

тебя.

– Да, нет, же. Это было на берегу озера. И ты боялся при-
тронуться ко мне. Пока я сама не обняла тебя. Ты был такой
телёнок. Всё приходилось делать самой.

– Никогда я не был телёнком. Ты меня хочешь обидеть.

– Ладно, не был. Иди ком не. – Обнимает его.

– Что ты меня всё время обижаешь?

– Ну, прости. Не буду. Вчера купила по платицу девчон-
кам. Радости было, море.

– Да...

– Подумать только, с первого захода и сразу две внучки.
Одна чёрненькая, другая беленькая.

– Моя парода.

– Что сразу твоя?

– А чья?

– Твоя, твоя. Ох...

– Что?

– Спину тянет, сегодня весь день. Протянуло наверно,
где то.

– То крутишься днями как белка в колесе. Вот и хватает.

– А как не крутиться. Пока внучки тут были, надо было
крутиться.

– Ну, теперь отдохнёшь.

– Да, до следующих выходных.

– Сколько у нас осталось времени?

– А сколько нам нужно?

– Смотря для чего?

– Для того, что бы понять.

– Иногда мне кажется достаточно мгновения, а иногда думаю, что не хватит и жизни.

– Сколько бы ни было всё будет наше.

– Главное не потерять.

– Всё равно утечёт.

– Если ты будешь так настроена, то утечёт.

– Я не настроена, просто я трезво смотрю на вещи.

– Надо надеяться на лучшее.

– Хватит меня учить. Достал своими нотациями. Зануда.

– Слова не скажу больше.

– Помолчи, лучше. – Молчат.

– Что молчишь? Язык заглотил? – Молчит. – Ну, молчи, себе, спокойнее будет. – Молчат. Он ковыряет в носу, потом вдруг замирает. – Что такое?

– Устал.

– Устал мой хороший. Но ничего иди сюда, отдохни. – Садиться рядом. – Как быстро летит время. Не успеешь оглянуться, а жизнь прошла. Как песок сквозь пальцы. И вот уже сидишь в пустоте, и слышишь только, как громко стучат часы. Кстати, почему я не слышу часов?!

– Потому, что у нас их нет.

– Как, нет?

– Так нет.

– Почему мы жили без часов?

– Потому, что времени, у нас было так много, что этот вопрос никогда не интересовал нас.

– А теперь он нас очень интересует.

– Да, теперь, когда его стало мало, мы хотим знать, сколько его ещё осталось.

– Глупости это всё. Зачем? Зачем знать когда?! Ведь гораздо лучше не знать. Можно, например, запарить тесто на утро. Пригласить на обед друзей. Лечь спать с мыслью, встать пораньше и испечь пирог. Уснуть, и всё...

– И всё?

– И всё.

– А зачем?

– Не знаю. Так положено. Так случается.

– Нет, я о том, зачем всё, то, что было до того, когда случилось и всё?

– Не знаю.

– А ты не помнишь, что было до того, когда случилось и всё?

– Нет. Но наверняка мы были молоды, и не терпеливы. Это было похоже на аттракцион, ты платишь деньги, садишься, Тебя крутят три минуты, закручивая верх ногами. Кого-то до мурашек в животе, кого-то до рвоты, а потом отпускают. И ты ещё долго, стоишь, чувствуя как всё крутиться вокруг тебя, и смотришь на тех, кто только поднимается по ступеням аттракциона, не зная, что их ждёт впереди. Они занимают свои места, и с надеждой смотрят в будущее, крепко

впиваясь руками в металлическую ручку.

– А знаешь, мне понравилось. Я бы не прочь повторить.

– И я.

– Только может теперь как ни-будь по-другому.

– Да.

– Чёрт возьми, я бы дорого дал за то, что бы снова прокатиться на этом аттракционе.

– Ты же понимаешь, что это не возможно.

– Почему?

– Потому, что мы не можем иметь детей.

– Потому, что так сказал доктор?

– Да. Так сказал доктор.

– Мало ли, что сказал доктор. Может он ничего в этом не понимает.

– Может и не понимает. Но раз он так сказал, значит, так оно и есть.

– А, что он ещё сказал?

– Сказал, что зайдёт, как только узнает результаты анализов.

– Ему только дай повод зайти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.